

ДИАЛЕКТИКА ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Д. К. Стожко

Уральский государственный экономический университет

С. С. Фоменко

ОАО «Газпром–Трансгаз»

Поступила в редакцию 14 марта 2014 г.

Аннотация: в статье показана диалектическая взаимосвязь парных философских категорий «сознание – правовое сознание», «самосознание – правосознание». Формулируется идея о том, что сознание и правовое сознание как его модальность детерминированы внешней (окружающей личностью) средой, тогда как самосознание и правосознание как его модальность детерминированы непосредственно личностным опытом самого человека, его внутренним миром. Разрыв диалектического единства и противоречие между внутренним и внешним миром ведут к возникновению конфликта между моралью и правом, правом и законом, духовностью и прагматизмом.

Ключевые слова: сознание, самосознание, правовое сознание, правосознание, интенция, герменевтика, экстерниоризация, интериоризация, субъектность, интересубъективность, закон, право.

Abstract: the article shows the dialectical relationship paired philosophical categories «consciousness – the consciousness of law», «self-consciousness of justice». Formulated the idea that consciousness and legal consciousness as its modality are determined by external (environmental identity) environment, while self-consciousness and the sense of justice as its modality are determined by direct personal experience of the man himself, his inner world. Rupture of the dialectical unity and contradiction between the prevalence of internal and external world leads to a conflict between morality and law, right and law, spirituality and pragmatism.

Key words: consciousness, self-awareness, legal awareness, sense of justice, intention, hermeneutics, externalization, internalization, subjectivity, intersubjectivity, law, right.

Проблема исследования правосознания личности постоянно оказывается детерминированной проблемой самого правового сознания как феномена человеческого бытия. При этом большинством исследователей понятия «правовое сознание» и «правосознание» между собой практически не соотносятся и считаются идентичными (синонимами). Закономерно встает вопрос о том, почему же тогда в научном лексиконе для обозначения одного и того же объекта (предмета) ученые используют разные дефиниции?

Конструктивный ответ на данный вопрос может быть дан только в том случае, если мы соотнесем данные парные категории с другими парными категориями: «сознание» и «самосознание». Сознание опреде-

ляется как «воззрения людей в их совокупности на явления природы и социальную реальность, выраженные в созданных обществом естественном или культурном языке, творениях духовной культуры, социальных нормах и взглядах социальных групп, народа и человечества в целом» [1, с. 637].

Из этого общего определения сознания как совокупности определенным образом выраженных воззрений отнюдь не следует, что эти воззрения истинны или ложны, нравственны или безнравственны, мифологизированы или реалистичны. Сознание не просто имеет в виду предмет, оно еще придает ему смысл в зависимости от всего предшествующего опыта личностного бытия. Отсюда можно сделать предварительное заключение о том, что весь предшествующий опыт оказывает определенное влияние на воззрения и по отношению к ним выступает некоей доминантой. Именно этот личностный опыт делает сознание направленным. Сознание предстает не просто как абстрактная и нейтральная сумма взглядов и суждений. Оно становится направленным и направляемым потоком таких суждений и воззрений. Эту направленность сознания Э. Гуссерль назвал интенцией сознания. По его мнению, сознание всегда на что-то направлено. Оно всегда есть основание чего-то.

С помощью метода феноменологической редукции немецкий философ попытался представить смысл сознания как совокупность феноменов, идеальных объектов мысли, как особый регион бытия, не подчиненный законам эмпирического мира. По его мысли, сознание как таковое замкнуто в самом себе, изолировано от внешнего мира и поэтому не может быть раскрыто и описано иначе, как с помощью дескрипции (описания). Так, собственно, появилась и сама герменевтика (от греч. *germeneutikos* – истолковывающий). В качестве особого направления современной философии герменевтика описывает сознание в координатах интериоризации (опредмечивания) и экстериоризации (распредмечивания) идеальных объектов. Гуссерль считал, что описание сознания не может быть сколько-нибудь полным (достоверным), если не будет решена проблема интерсубъективности. Суть проблемы философ видел в том, чтобы личность как носитель сознания могла осмыслить свое сознание через воспоминание о самой себе. Такое воспоминание (или, как говорил древнегреческий ученый Платон, припоминание) и составляет суть самосознания (осознания сознания).

Нет и не может быть недетерминированного личным опытом сознания, сознания абстрактного, вообще, в его «чистом» виде. Оно как совокупность воззрений всегда формируется под влиянием личностного опыта (например, традиций, формальных и неформальных институтов и т.д.). Будучи атрибутом личности, такое сознание соотносит себя с этим предшествующим опытом, влияет на него и само испытывает на себе его влияние. Если этого не происходит, человек считается «умалишенным», утратившим свое сознание. То, что сознание всегда направлено (интенционально), означает, согласно утверждениям Гуссерля, что оно рефлек-

сивно [2, Т. 1, с. 12–16]. Рефлексия есть отражение объекта сознания в его предмете, формирование образа объекта в качестве предмета сознания. Однако само по себе такое отражение может быть либо простым, либо сложным. Простая рефлексия дает личности лишь первичный образ объективной реальности, но есть еще и внутренний мир человека, то, что принято считать реальностью субъективной. Когда объект внешнего мира перерабатывается через опыт внутреннего мира личности, то за первым актом формирования сознания, актом чисто механическим и даже отчасти психофизиологическим, возникает второй акт творения сознания. Из отпечатка объекта внешней реальности в клетках головного мозга человека сознание превращается в результат продуктивно-творческого воображения, становится своеобразным продуктом «духовного делания» (термин И. А. Ильина).

Сам процесс детерминации генезиса сознания личностным опытом приводит к тому, что сознание «обращается» (оказывается направленным) не только к знаниям, информации, оно не только «обрабатывает» и «закрепляет» их в своей структуре (памяти). Оно еще «обращается» и к самому себе, к самому процессу получения, освоения и усвоения знаний, информации. Оно соотносит себя с собой через призму личностного опыта. Так возникает самосознание, т.е. знание о самом сознании. И это новое знание подобно информации, получаемой человеком извне, закрепляется в его сознании как критическое, нравственное сознание. Это уже не простая нейтральная, амбивалентная совокупность воззрений, а система критического отношения к ним, а через них – к самому себе. Классическая формула такого самосознания была предложена еще в древности: «я знаю, что я ничего не знаю». В кантовской интерпретации она предстала как критика «чистого» разума.

Правовое сознание соотносится с правосознанием именно как сознание с самосознанием. Правосознание – это самосознание личности, предметом которого становятся ее права, а объектом оказывается она сама как составная часть общества. Правовое сознание есть обладание чем-то в сознании, наличие этого нечто. «Обладание», «наличие» – исходные понятия теории права. Так, теория права собственности, отталкиваясь от этих исходных понятий, оперирует терминами «владение», «распоряжение», «пользование», «употребление». Широко распространена сегодня и так называемая концепция «пучка прав собственности».

Правосознание как модальность самосознания представляет собой интенциональное сознание, направленное не вовне предмета, а внутрь его, не на внешний мир, а в мир внутренний. Иными словами, правосознание – это оценочное суждение о правовом сознании и присущих ему стереотипах мышления. И без такого правосознания само правовое сознание оказывается часто асоциальным и даже антисоциальным. Для блюстителя закона, как правило, безразличны последствия применения норм закона, тогда как для социальной философии проблема качества закона и его норм, а также возможных последствий их применения ока-

зывается центральной. Законники любят повторять известное утверждение «*dura lex sed lex*» – «закон суров – но это закон». Однако они чаще всего не задумываются над его справедливостью или несправедливостью, адекватностью или неадекватностью. Для юриспруденции главное – это неотвратимость наказания за преступление, но никак не ее адекватность. Проблема адекватности выходит далеко за пределы юриспруденции и становится проблемой социальной философии. Согласно теории К. Маркса, закон – это инструмент, с помощью которого господствующий социальный класс защищает собственные интересы. И пока в обществе есть такие классы или сословия, закон всегда будет настолько же несовершенен, насколько он неадекватен. Требования верховенства закона или права – это требования чисто юридические, но не социально-философские. В Третьем рейхе тоже существовало верховенство закона, даже его диктатура, но это не мешало нацистам уничтожать людей только за то, что они вступали в «смешанные» браки и «роняли» достоинство «арийской» нации. Именно поэтому помимо диктатуры закона нужно формировать и укреплять в обществе культуру правосознания.

Только отталкиваясь от такого понимания указанных понятий, становится возможным научно объяснить несоответствие норм права, выраженного в различных законных актах, и правоприменительной практики, отраженной во многих судебных решениях. Проблема несоответствия носит массовый характер. Само по себе правовое сознание не может быть нравственным или безнравственным. Ведь «закон – это общепризнанное и безличное, т.е. не зависящее от личных мнений и желаний, определение права» [1, с. 601]. Нравственным наше сознание, в том числе и правовое сознание, делает самосознание (правосознание), которое наделяет нас способностью соотносить вырабатываемые и формулируемые общественные воззрения с личным опытом.

При этом следует различать понятия права и закона. Еще Т. Гоббс, например, трактовал право как простой приказ верховной власти (государства). Под законом же он понимал обычай, ставший нормой. Есть и другие интерпретации, рассматривающие закон как государственное право наряду с частным правом, которое может и не быть санкционировано государством. Отсюда норма: «что не запрещено, то разрешено».

Налицо, по сути, рассуждения о формальных и неформальных институтах. Если использовать логику противопоставления категорий права и закона, то можно сказать, что сознание всегда формализовано (формально), тогда как самосознание – это неформальный институт. И в том, и в другом случаях существуют свои собственные «правила» развития. Как бы мы не классифицировали само понятие «право» (естественное, политическое, государственное, административное, гражданское и т.д.), по большому счету, оно всегда будет оставаться узаконенной государством нормой поведения. Исключением будет лишь та сфера деятельности человека, которая по каким-то причинам оказалась не кодифицированной. При этом сама личность постоянно соотносит себя и свой опыт с этими внешними по отношению к ней формальными институтами.

Именно через такое критическое соотношение она и формирует собственное правосознание, которое может не соответствовать нормам закона. Понятия «право первого», «право сильнейшего» могут и не совпадать с нормами права, санкционированного государством, но они также естественны, как и все другие права, поскольку возникают из сферы социальных связей и имеют сугубо социальную природу, поэтому признание или непризнание их со стороны государства связано только с тем, что право как таковое становится законом, т.е. формальным институтом. Само же сознание от такой трансформации права в закон ничуть не меняется, поскольку оно является сознанием личности, а не государства. Самосознание же претерпевает существенную трансформацию, поскольку личность вынуждена делать определенный нравственный выбор: следовать ли ей своим собственным представлениям о том, что такое право, либо принять то толкование, которое предлагает государство.

Коллизия между сознанием и самосознанием, а точнее, между правовым сознанием и правосознанием часто ведет к конформизму. В публичной сфере своего существования личность следует нормам закона, а в частной сфере собственного бытия – собственным представлениям. При этом сознание личности и ее правосознание не перестают быть социальными. Изменяются лишь форма и мера социального характера сознания и правосознания.

«Сознание социально по следующим параметрам:

- по происхождению (возникает из совместной деятельности и общения);
- по содержанию (состоит из социально важных и общих значений);
- по форме функционирования (такой формой является язык как материальная оболочка сознания, материальный носитель значений, средство общения);
- по функциям (сознание направляет и регулирует функции всех звеньев социальной системы);
- по общему носителю, хранителю и транслятору состава сознания новым поколениям» [3, с. 38–39].

Изменение социальной направленности общественного и личностного сознания как раз и ведет к деформациям в структуре и содержании правового сознания, его отрыву от правосознания. В этих условиях нарастает спонтанность в развитии сознания. Появляются утверждения, согласно которым «сущность сознания и личности – в спонтанности, которая понимается как открытость вселенской потенциальности», «подключение к космической вибрации» [4, с. 347]. С такими суждениями трудно согласиться, поскольку они отвергают детерминацию сознания социальным и духовным пространством и, по сути, снимают вопрос о самосознании как внутреннем регуляторе развития сознания. К сфере правосознания это относится в первую очередь. Личность должна не только знать законы и следовать им, но и понимать эти законы, объяснять их самой себе и активно влиять на их формирование через развитие собственного правосознания.

Думается, что в век прагматизма и рыночной экономики духовность сознания, его ценностная наполненность приобретают особое значение уже хотя бы потому, что без такой духовности социальное отчуждение между народом и властью, населением и государством может достичь критических значений. Вряд ли сознательный человек может этого себе желать.

Литература

1. *Спиркин А. Г.* Философия / А. Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 2005. – С. 637.
2. *Гуссерль Э.* Феноменология / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – № 1. – С. 12–16.
3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление : в 3 ч. / С. З. Гончаров. – Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2011. – Ч. 3. – С. 38–39.
4. *Налимов В.* Спонтанность сознания / В. Налимов. – М. : Академический проект, 2011. – С. 347.

Уральский государственный экономический университет

Стожко Д. К., кандидат философских наук, доцент кафедры общей и экономической истории

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Тел.: 8 (343) 221-27-12,

ОАО «Газпром–Трансгаз»

Фоменко С. С., заместитель директора учебно-производственного центра

E-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

Тел.: 8 (34675) 2-17-15

Ural State Economic University

Stozhko D. K., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the General and Economic History Department

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Tel.: 8 (343) 221-27-12

ОАО «Газпром–Трансгаз»

Fomenko S. S., Vice-director of Training and Production Center

E-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

Tel.: 8 (34675) 2-17-15